

Вяч. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК РФ); доктор философских наук (Международный сертификат ООН и ЮНЕСКО); заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета; главный научный сотрудник Научного центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества Ивановского филиала Института управления (Архангельск); заслуженный деятель науки и образования, чл.-корр. РАН; академик АФХ (МГУ им. М. В. Ломоносова); почётный работник высшего профессионального образования РФ

«Наступающий конец мира веет мне в лицо...»: Владимир Соловьёв и его время в сумерках нашего времени

В статье оцениваются возможности актуализации соловьёвского наследия, а также указывается на его непреходящий смысл. Настоящий материал был представлен на Международном научном форуме «На философских перепутьях: наследие Вл. С. Соловьёва в XXI веке» в Москве 19 ноября 2015 года в Доме А. Ф. Лосева – на Арбате, 33. Печатается впервые.

Ключевые слова: философия, время, Антихрист, Модерн, Постмодерн, глобальный кризис, вечность.

Если высшую мудрость уподобить дорогому вину, то время подлинной философии будет подобно действию его вкуса, который, как тонко заметил А. Шопенгауэр, «ощущается только за первым стаканом» [1, с. 51]. Вопреки расхожему филистерскому мнению, такая мудрость не только удел немногих, но и вообще далеко не всегда была доступна в зыбях мирового времени, освоенного и удерживаемого в исторической памяти людьми. Так, были продолжительные и самоупоительные периоды роскошной первобытной дикости, когда её вовсе не было – и вполне реально наступление такой же неопределённой длительности, когда её совсем не будет. Не только времена, но и сама вечность может быть легко помыслена без высшей мудрости – как триумф ничтожества. С другой стороны, бури смысловых катастроф и оседающая магическая пыль культурно-цивилизационной динамики неспособны отменить гипнотического и в космическом отношении кратковременного (вспоминая одного поэта: кратковечного!) воздействия этого вина,

приобщающего нас вечной мудрости и мудрой вечности...

Философия умирает не от того, что её третируют тираны, запрещают или начинают организованно подавлять – напротив, она исчезает от грамматического саморазмножения, от родительного падежа, власти которого она охотно подчиняется, обретая черты деловитости и отказываясь от своего высшего сверхчеловеческого призвания – становясь философией расхожей человеческой заботы: о «жизни», «сексе», «технике», «рыбной ловле»... Когда В. И. Ленин вычёркивает памятник Владимиру Соловьёву из предложенного ему списка российских дореволюционных деятелей, он безошибочно блюдет магию родительного падежа и стоит на страже сугубой полезности. Поэтому А. Г. Дугин, восклицая, что «никакого движения духовной жизни, никакой даже отдельной попытки вернуться к проблематике русской философии, жестоко оборванной "философскими пароходами", репрессиями в СССР и прозябанием изгнанных из страны в эмиграции, не было и

нет» [2, с. 57] – не слишком-то преувеличивает, если учесть то ключевое обстоятельство, что русская религиозная философия сегодня энциклопедически мумифицирована, существуя уже почти исключительно как классика, в музейно-историческом аспекте некоего сохраняемого культурного фонда. И, напротив, Президент России, ссылаясь в своей речи на высказывания или какие-то фразы Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и К. Н. Леонтьева до некоторой степени их наследие пытается (вероятно, даже и невольно) «снова ввергнуть... в существование» [3, с. 461]. Насколько последнее возможно и возможно ли вообще? – вопрос не из лёгких; он не для политтехнологов и касается самого существа нашей темы.

Время Владимира Соловьёва, как мы видим уже из памятной книги А. Ф. Лосева [4], однозначно выходит за пределы биографических лет его земной жизни, простираясь в XX век и продолжаясь в наследии В. В. Розанова, Е. Н. Трубецкого, отца Сергея Булгакова... На это же указывал ещё А. А. Блок (вторя здесь хорошо известному соловьёвскому признанию из письма к В. Л. Величко, процитированному в первой части названия нашей статьи): «Вл. Соловьёву судила судьба в течение всей его жизни быть духовным носителем и провозвестником тех событий, которым надлежало развернуться в мире» [5, с. 155].

По большому счёту, по существу – это время «конца Нового времени» [6], время кризиса Модерна и шире – «кризиса гуманизма». А потому существенными остаются следующие вопросы: в какой мере оно вполне завершилось и прошло? в чём состоит сущность, конец которой объявляется с провозглашением исхода её культурно-исторического времени? не дотягивается ли и до нас этот странный конец, включая и наши времена в историю своего дрящегося проблематического завершения и делая нас тем самым причастными ещё не ушедшему, по-своему помыслившему и о нас, нынешних? Так, например, ещё в 1960 г. М. Хайдеггер глубокомысленно отмечал, что лишь в XX веке «европейское Новое время впервые начинает развёртываться на всём земном шаре и одновременно завершаться... – рассматривать ли нынешнюю эпоху в качестве конца Нового времени или же

признавать, что, возможно, затяжной процесс завершения Нового времени лишь начинается» [7, с. 257].

Владимир Соловьёв мыслит о нашем нынешнем времени (преимущественно в самом позднем своём наследии, которое нас здесь и будет интересовать) исключительно в парадигме Модерна со свойственным ему стратегическим монументализмом, глобальным проектированием, наступательным акмеологизмом и агрессивным эгологизмом – тогда как само наше время вроде бы (во всяком случае – как казалось ещё совсем недавно!) уже оставило позади все эти игрушки и сосредоточилось на широком демонтаже смыслов, свидетельствующем о неминуемом вхождении в заключительную фазу антропологического кризиса. Было ли у Соловьёва предвосхищение нашего времени в качестве периода столь глубокой духовной деградации? Или же и в его итоговом наследии всё ещё доминировал прогрессистский миф Нового времени, держащий в своём предрассудочном поле произрастание любых проявлений самобытной мысли, причём, вопреки тому роскошному сомнению, которое было внесено в эту тему романтическим сознанием?

Философ с уверенной надеждою говорит о грядущем «решительном падении теоретического материализма» [8, с. 403] – но сегодняшняя академическая среда, где «история свободомыслия» приравнивается к «научному атеизму», остаётся совершенно бесперспективной в духовно-метафизическом («спиритуалистическом») отношении, а, к примеру, экклезиологическому наследию А. С. Хомякова или мистической философии Н. А. Бердяева вообще не остаётся места при таком ущербном понимании свободы. Впрочем, материализм сегодня действительно деградировал до постфилософии всеобъемлющего непроходимого хаоса...

Как ныне возможен приход Антихриста? – вопрос не столь самоочевидный, как кажется по уровню современных коммуникативных возможностей планетарного охвата, ибо важным остаётся и сам способ последнего: Антихрист и его царство могут быть реализованы только как псевдореставрация риторико-классического (идеационального!)

миропонимания, пусть и в неомагических топиях Постмодерна; по В. В. Библихину, Антихрист приходит как «катализатор исхода, возвращающий миру размах» [9, с. 118] – здесь видится именно возврат к утраченному миропониманию предшествующих столетий сущностно (и календарно!) понятой христианской истории... Либо же с гиперрадикализацией парадигмы Постмодерна приход Антихриста оказывается вообще невозможен, как и последующее за ним Второе славное и страшное Пришествие Господа нашего Иисуса Христа – не в том ли причина полной атрофии страха в эстетике Постмодерна, об этике которого говорить вообще не приходится?

Главный печатный труд господина Антихриста «Открытый путь к вселенскому миру и благоденствию» подаётся у Соловьёва как гениальная книга; но ведь книга – феномен классической культуры, мышления ещё не пережившего постструктуралистский «конец книги» [10]. Интересно, что это – весьма необычная книга, в которой каждый обязательно находит «приятное» себе и о себе... Технически это нечто подобное современному ноутбуку: удобство прирученных смыслов, кресельная апокалиптика, Страшный Суд на экране, Приговор, никак не задевающий аморфного теплохладного существа... С другой стороны, становится всё более понятно, что с людьми кто-то работает – мы говорим: soft power! – и жмуримся от глубины понимания...

Соловьёв в своих историософских предпочтениях следует за доктринальным «европейством» Ф. Ницше («мы – добрые европейцы и свободные, очень свободные умы») и в чём-то предвосхищает футурологию О. Шпенглера, его прозрения о будущем западного мира, когда рисует картины восходящего неокесаризма... Евроцентризм (опять-таки классика Ницше о «тридцати очень старых, никогда не устаревающих книгах», в которых навсегда «останется Европа») Владимира Соловьёва остаётся непоколебленным до конца дней: международное учредительное собрание проходит в Берлине – Антихрист «выбран почти единогласно в пожизненные президенты Европейских Соединённых Штатов», «избран в римские императоры»; последним, наконец-то, установлена

«всемирная монархия» [8, с. 409–410]; Америка здесь оказывается где-то на подплясках (ср. у Ницше: «Никакого американского будущего!»), а Ближний Восток и Китай вносят лишь апокалиптическую редактуру – такова им отписана роль, вопрос не обсуждается.

В кодовой постановке любимой соловьёвской темы о Риме и России объединены страхи и надежды мыслителя-визионера: «Папство уже давно было изгнано из Рима и после многих скитаний нашло приют в Петербурге под условием воздерживаться от пропаганды здесь и внутри страны. В России оно значительно опростилось. ... Русское православие, после того как политические события изменили официальное положение церкви, хотя потеряло многие миллионы своих мнимых, номинальных членов, зато испытало радость воссоединения с лучшей частью староверов и даже многих сектантов положительно-религиозного направления» [8, с. 412]. В соловьёвском решении сокровенного вопроса о еврействе: «все казнённые антихристом евреи и христиане... ожили и воцарились с Христом на тысячу лет» [8, с. 426] – очевиден сектантско-еретический хилиазм, столь характерный для мистических ожиданий опять-таки Нового времени; всё это также вписывается в трансгрессию Модерна, наследующего риторико-классические представления о мироустройстве...

Убеждённость в том, что «историческая драма сыграна, и остался ещё один эпилог, который, впрочем, как у Ибсена, может сам растянуться на пять актов» [11, с. 431], является центральной в итоговом наследии Владимира Соловьёва. Поэтому стоит остановиться на специфике его финализма: философ (вместе со своим монахом, отцом Пансофием – условным автором «Краткой повести об Антихристе») провозглашает «не всеобщую катастрофу мироздания, а лишь развязку нашего исторического процесса» [8, с. 426]. Ещё в известном письме к В. Л. Величко 1897 г. он пишет: «Наступающий конец мира веет мне в лицо каким-то явственным, хоть неуловимым дуновением, – как путник, приближающийся к морю, чувствует морской воздух прежде, чем увидит море. Mais c'est une mer a boire» [12, с. 205] – эти мысли Соловьёва спустя половину столетия находят интересную параллель в

итоговой книге Р. Генона «Царство количества и знамения времени», в конце которой автор говорит о «конце мира» как о «конце иллюзии» [13].

В этой глубокомысленной метафизической критике современности остаётся всё ещё недоосмысленным вопрос о глубине нашей собственной необратимой втянутости в нарастающий глобальный кризис, выход из которого, согласно совсем бы не чуждой Соловьёву геноновской диагностике конца 20-х годов XX в., возможен «только через страшный катаклизм» [14]: «Нигилизм, - отмечал уже после Второй мировой войны М. Хайдеггер, - теперь уже не такой исторический процесс, который протекал бы перед нами как наблюдателями, вне нас, а то и позади нас; нигилизм оказывается историей нашей собственной эпохи, очерчивающей пространство его воздействия и бросающей нам вызов. Мы стоим в этой истории не как в безразличном пространстве, где можно было произвольно встать на точки зрения и позиции. Эта история – сама образ и способ, каким мы стоим и идём, каким мы *суть*. Обесценение прежних верховных ценностей переходит в фазу ниспровержения и краха» [15, с. 90].

Пытаясь осмыслить наследие Вл. Соловьёва в XXI веке, можно указать и на то, что мыслитель всё ещё находился под эпохально-предрассудочным давлением позитивно воспринятого эволюционизма XIX века – в какой мере эсхатология позднего Соловьёва питается из других источников? Здесь остаётся ещё очень многое для исследовательского внимания на предмет соловьёвской христологии. Интересно, что библейская креация и её теоретическая актуализация в современной космологии с её антропным принципом предполагают в самой сильной теoантропологической позиции [16] отнюдь не возможность эволюции, но, скорее, двунаправленную инволюцию: то есть при актуализации настоящего момента, его темпоральную дегенерацию, направленную как в будущее, так и в прошлое (частный же случай взгляда из этого прошлого в настоящее – абсолютизированный в Новое время – и прочитывался как восходящая эволюция). Можно допустить, впрочем, что Соловьёву не был бы чужд именно такой подход к восприятию темпоральности...

Соловьёвское наследие в наши катастрофические времена хранит и особый запас прочности благородного платонизма с присущим последнему героическим стоицизмом. Ведь природа катастроф – далеко не только в человеческой «халатности», а в «сущности вещей», затронутых *временем* [17, с. 55–58]... Не вечный вопрос о весомости его власти, но вечный ответ на него содержит наследие Владимира Соловьёва, сохраняющее и в сумерках нашего времени свет вечной мудрости и зов мудрой вечности, когда «отрёт Бог всякую слезу» (Ап., 21 : 4), а «времени больше не будет» (Ап., 10 : 6).

Библиографический список:

1. *Шопенгауэр А.* Максимы // Шопенгауэр А. Сборник произведений. Мн.: 000 "Попурри", 1999.
2. *Дугин А. Г.* В поисках тёмного Логоса (философско-богословские очерки). М.: «Академический Проект», 2013.
3. *Ортега-и-Гассет Х.* В поисках Гёте // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: «Искусство», 1991.
4. *Лосев А. Ф.* Владимир Соловьёв и его время. М.: «Прогресс», 1990.
5. *Блок А. А.* Владимир Соловьёв и наши дни (К двадцатилетию со дня смерти) // Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6: Проза 1918 – 1921. М.; Л.: ГИХЛ, 1962.
6. *Гвардини Р.* Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4.
7. *Хайдеггер М.* Что зовётся мышлением? М.: «Академический Проект», 2010.
8. *Соловьёв В. С.* Краткая повесть об Антихристе // Соловьёв В. С. Смысл любви: Избранные произведения. М.: «Современник», 1991.
9. *Бибихин В. В.* Из жизни русского слова // Бибихин В. В. Слово и событие. М.: «Эдиториал УРСС», 2003.
10. *Деррида Ж.* Конец книги и начало письма // Интенциональность и текстуальность: Философская мысль Франции XX века. Томск, 1998.
11. *Соловьёв В. С.* По поводу последних событий // Соловьёв В. С. Смысл любви: Избранные произведения. М.: «Современник», 1991.
12. *Мочульский К. В.* Гоголь. Соловьёв. Достоевский. М.: «Республика», 1995.

13. *Генон Р.* Царство количества и знамения времени. М.: «Беловодье», 1994.
14. *Генон Р.* Кризис современного мира. М.: «Арктогея», 1991.
15. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: «Республика», 1993.
16. *Нестерук А. В.* Логос и космос: Богословие, наука и православное предание. М.: ББИ св. апостола Андрея, 2006.
17. *Океанский В. П., Океанская Ж. Л.* Антикризисный потенциал Традиции: символическое миропонимание и его онтологическая структура // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Сер.: Гуманитарные науки: Энтелехия: Научно-публицистический журнал. 2014. № 29.

©Океанский В.П., 2016